

Утром 6 июля 1918 г. в Москве было все спокойно. Не было особых признаков тех больших событий, которые разыгрались после полудня.

Около 4 час. дня левыми эсерами был убит германский посол граф Мирбах. Затем заранее сосредоточенные левыми эсерами в Трехсвятительском переулке вооруженные части заняли помещение ВЧК, арестовали и заперли в погребе Дзержинского, его помощника Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Только в этот момент выяснилась серьезность создавшегося положения.

Во главе восстания оказались эсеры Александрович и Прошьян. Первый состоял помощником председателя ВЧК, а второй — членом Высшей военной коллегии.

Из Трехсвятительского переуллка, где в особняке Морозова помещился штаб повстанцев и левоэсеровское «правительство», части мятежников стали продвигаться к Кремлю, захватывая близлежащие улицы и площади.

Первые известия о левоэсеровском восстании. 6 июля пополудни я находился в помещении технической редакции на Садово-Кудринской. Около 5 час. адъютант сообщил мне из штаба дивизии по телефону, что меня разыскивает Подвойский. В это же время к подъезду подъехал автомобиль. Из него вышел секретарь Подвойского и, зайдя в комнату, в которой находился также Антонов-Овсеенко, предложил мне немедленно поехать с ним в Александровское училище. На мой вопрос, кто меня вызывает и по какой причине, я получил уклончивый ответ.

Наш автомобиль поминутно останавливали на улице вооруженные патрули, разъезжавшие на вооруженных грузовиках и проверявшие удостоверения личности. При одной такой остановке я узнал, что ищут автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла графа Мирбаха.

Наш автомобиль остановился у подъезда того флигеля, в котором ныне находится Высший военный трибунал.

Без пропуска и без исполнения прочих строгих формальностей меня привели в боковую комнату, в которой находились Подвойский и комвойск округа. У стены, подалеже от окна, стоял массивный деревянный стол, на котором был разложен план гор. Москвы и ее окрестностей.

Я спросил Подвойского, с которым был знаком, в чем дело. На мой вопрос ответил с удивлением комвойск:

— Как, вы не знаете, что в городе восстание и положение очень серьезное?

Дальше взял слово Подвойский и сказал мне голосом, не терпящим возражений:

— Вы нам составьте план ночной атаки; мы атакуем в 4 часа утра.

Я задал вопрос:

— А на какие войска вы рассчитываете?

Мне ответили:

— Главным образом на полки Латышской дивизии; прочие войска малонадежны.

Задаю вопрос:

— А где войска левых эсеров?

Подвойский указал на плане Трехсвятительский переулок.

Во время нашего разговора поступали донесения от каких-то людей, непрерывно входивших в комнату и выходивших. Сообщались разные сведения и предположения. Было ясно, что организованной работы еще нет.

Для командования войсками мной было предложено вызвать командира 1-й бригады Латышской дивизии Дудина.

Я стал знакомиться с положением дела. Сведения об эсерах были весьма недостаточные. Подвойский и комвойск говорили, что повстанцы заняли Трехсвятительский переулок и там укрепляются, что заставы их приближаются к Кремлю и расположены по р. Яузе. На основании таких кратких сведений пришлось приступить к составлению плана действий. Прежде всего, надо было крепко держать в своих руках Кремль, затем необходимо было укрепиться в городе так, чтобы не дать возможности присоединившимся к повстанцам массам распространиться по городу. Для этого я полагал необходимым занять все важные в тактическом отношении площади и перекрестки. Войсками же занять исходные положения: у храма Христа Спасителя, на Страстной площади и в Покровских казармах. Прибывшему комбригу Дудину были даны в этом духе первые распоряжения; кроме того, я поручил ему объехать все латышские полки и расположить их следующим образом: 1-й полк с батареей — у храма Христа Спасителя (у нас, кстати, были сведения, что левые эсеры, помимо Кремля, наметили себе также овладение зданием Наркомвоена в Лесном переулке), 3-й полк при двух орудиях оставить на месте, 2-й полк немедленно вызвать из лагерей и направить на Страстную площадь, а 9-й полк оставить в Кремле.

Состояние Московского гарнизона. Войска Московского гарнизона Подвойский и штаб округа разделили на три категории. Первая категория — войска, безусловно преданные большевистской партии. Вторая категория — войска,

объявившие нейтралитет. Третья категория — войска, которые перейдут на сторону противника.

К первой категории были отнесены латышские стрелки и формирующийся при Латышской дивизии образцовый полк, курсанты пехотной инструкторской школы (80 человек) и курсанты двух артиллерийских школ, при четырех орудиях.

Был ли левоэсеровский заговор неожиданностью? О том, что в Москве что-то неладное, мы догадывались. Недели за три до восстания мной, как начальником Латышской дивизии, было замечено, что какая-то властная рука старается очистить Москву от латышских частей, направляя их в разные провинциальные города якобы для восстановления Советской власти. Ордера на отправку латышских частей прислались на мое имя и исходили от помощника председателя ВЧК Александровича.

До тех пор пока таковые ордера требовали отправки сравнительно небольших частей, особенного внимания они к себе не привлекали, но дней за десять до восстания я получил ордер от Александровича: отправить немедленно один батальон 1-го полка в Нижний Новгород, в распоряжение исполкома. Распоряжение это мной было выполнено, но из Нижнего командир батальона донес, что местным исполкомом прибытие латышских стрелков было встречено с удивлением. Положение Советской власти там считалось прочным, и о присылке латышских стрелков никто не просил. Аналогичное донесение было получено от командира одного батальона 2-го полка, посланного таким же образом на юг.

Такие факты вызывали подозрения. Александрович хотел и меня выпроводить из Москвы, поместив мою фамилию в список сотрудников штаба Муравьева, отправлявшегося 16 июня на Восточный фронт. Но я запротестовал, и мне удалось остаться на должности начальника Латышской дивизии.

Как ни хитро левые эсеры вели свои подготовительные работы, но такой грубый способ удаления из Москвы воинских частей уже тогда заставил меня быть начеку. Собрав все документальные данные, говорившие в пользу моих подозрений, я обратился к комиссарам дивизии Петерсону и Дозиту и высказал свое мнение о том, что высылка латышских стрелков из Москвы делается, несомненно, с определенной политической целью и в дальнейшем является совершенно недопустимой. Товарищ Петерсон немало был удивлен моими сообщениями, но, видимо, принял мой доклад к сведению. Дня через два он сообщил, что мои предположения оправдались и что ни один латышский стрелок больше не должен быть отправлен из Москвы.

Позднее выяснилась справедливость и своевременность опасений: товарищ председателя ВЧК эсер Александрович, стоявший во главе заговора, исподволь проводил высылку латышских стрелков из Москвы, по-видимому, с той целью, чтобы к моменту восстания левых эсеров большевики оказались лишенными воинских частей.

В отношении времени момент для восстания был выбран удачно. Свое восстание левые эсеры назначили как раз накануне Ивана Купалы, когда латыши привыкли устраивать за городом традиционные народные гулянья. Так же и в этот день, 6 июля, латышские стрелки уехали за город и казармы оказались пустыми. Возвратившийся командир 1-й бригады Дудин заявил нам, что в казармах почти никого нет и что собрать полки он не может. Таким образом, пришлось отказаться от ночной атаки и перенести наступательные действия на 7 июля.

Мое назначение руководителем операции по подавлению левозэсеровского мятежа. К вечеру левые эсеры захватили почтамт и стали рассылать в провинцию свои воззвания, в которых говорилось о захвате ими власти и о свержении большевиков.

Резиденцией левых эсеров сделался морозовский особняк в Трехсвятительском переулке.

Было получено сообщение, что квартировавший в Покровских казармах полк Московского гарнизона перешел на сторону левых эсеров. Наше положение сделалось опасным во всех отношениях.

Доклад комбрига Дудина еще более усугубил наше положение. От предложенного ему командования он отказался, ссылаясь на свою неопытность для руководства действиями в столь большом городе, как Москва.

Подвойский и комвойск своего кандидата не имели. Как начальник дивизии, я должен был принять непосредственное руководство уличными боями. Принимая во внимание это, я заявил, что так как будут действовать главным образом полки вверенной мне дивизии, то долг требует от меня взять командование в свои руки. Это заявление было передано в Кремль. И в результате переговоров командование было поручено мне.

Для уяснения обстановки, в которой приходилось тогда действовать, привожу краткий перечень расположения Латышской дивизии:

- а) 1-й полк — один батальон и четыре пулемета в Москве, один батальон в Нижнем Новгороде;
- б) 2-й — один батальон на Ходынке в лагерях, другой разбросан по ротно и пополуротно по городам юга России;

- в) 3-й — только что прибыл с юга и производил требуемую Брестским договором демобилизацию;
- г) 4-й — на Восточном фронте против чехословаков;
- д) 5-й — в Бологое;
- е) 6-й — в Петрограде и у Торошино;
- ж) 7-й — в Великих Луках и Петрограде;
- з) 8-й — в Вологде;
- и) 9-й — в Кремле;
- к) артиллерия: один легкий дивизион и восемь 6-дюймовых тракторных орудий — в Москве;
- л) инженерный батальон — в Москве; авиационное отделение — в Люберцах; дивизионная конница — в Павловском Посаде.

Кроме того, я располагал еще формируемым в Москве образцовым полком, насчитывавшим в своем составе около 300—400 человек.

П л а н д е й с т в и й. Вечером наш оперативный штаб был перенесен в здание штаба округа.

Наше положение было тяжелое: у нас не было налицо войск. Сведения о действиях левых эсеров были неполные и не отличались ясностью. Дозоры доносили, что строятся баррикады, перекапываются улицы, выставляются проволочные заграждения. Левоэсеровские отряды оттеснили большевистские войска за р. Яузу, и казалось, что они готовят штурм Кремля. Передавали также, что у левых эсеров образовалось свое правительство и составлено министерство.

Вечером обстановка сложилась весьма благоприятно для левых эсеров, и если бы они повели решительную атаку на Кремль, то его едва ли удалось бы удержать.

В этом последнем случае было решено перенести резиденцию правительства в артиллерийские казармы на Ходынке. Такая предусмотрительность была вполне уместна, так как у нас не было войск для контратаки. На боеготовность 9-го латышского полка, занимавшего Кремль, мы не возлагали особенно больших надежд. Для упорной обороны Кремля он едва ли был пригоден.

9-й латышский полк был сформирован в ноябре 1917 г. из людей всех латышских полков и предназначался для охраны Смольного. В состав Латышской дивизии был включен после длинных переговоров, так как состав полка считал для себя нежелательным обратиться в обыкновенную войсковую часть. Присвоив себе наименование «Коммунистический полк», стрелки слышать не хотели о том, что им дано название «9-й латышский стрелковый полк». Занятия в полку не производились. Полком управлял полковой комитет, в состав которого входил и командир полка. Фактическим хозяином полка являлся председатель полкового комитета, который власти начальника дивизии над собой не признавал.

Итак, от ликвидации левоэсеровского мятежа ночной контратакой пришлось отказаться по той простой причине, что собрать для этого войска было невозможно. Наступление пришлось отложить на 7 июля.

Был намечен такой план действий:

1) организовать разведку, чтобы к утру иметь точные сведения о действиях левых эсеров и сочувствующих им войсковых частей;

2) к утру оттеснить части левых эсеров к Трехсвятительскому переулку и заставить их перейти к обороне;

3) наступление начать утром 7 июля.

Вместе с тт. Подвойским и Данишевским в закрытом автомобиле мы объехали часть города, бывшую в наших руках. Наши войска еще не успели занять назначенные им места.

Обстановка около полуночи. Положение в городе и в Ходынском лагере, где был расположен Московский гарнизон, постепенно выяснилось, и к полуночи оно в общих чертах было таково:

Положение большевистских сил. Налицо были следующие войсковые части:

1) одна пехотная школа курсантов (80 человек), занимала здание Военной коллегии — Лесной переулком, д. № 1;

2) 9-й латышский стрелковый полк — в Кремле;

3) на Арбатской площади — отряд коменданта гор. Москвы;

4) на Девичьем поле собирался батальон 1-го латышского стрелкового полка;

5) 2-й латышский полк с двумя артиллерийскими школами курсантов, при 4-х орудиях, был на пути из Ходынского лагеря.

Положение левых эсеров. Войска левых эсеров были в сборе в Трехсвятительском переулке. По имевшимся сведениям, они предполагали начать наступление 7 июля.

Основное ядро составлял батальон матроса Попова и отряд черноморских матросов.

Вечером на сторону левых эсеров перешел полк Венглинского, квартировавший в Покровских казармах.

Всего в распоряжении левых эсеров, считая и полк Венглинского, было около 2500 бойцов, при 8 орудиях, 4 бронемашинах, и около 60 пулеметов.

Позиция гарнизона гор. Москвы. По имевшимся сведениям, левые эсеры 6 июля бросили в Ходынский лагерь своих агитаторов, которые захватили влияние над войсками и склонили их объявить нейтралитет, что означало: не оказывать помощи большевикам, стоявшим за сохранение мира с Германией.

Численность гарнизона, находившегося на Ходынке в лагерьях, доходила приблизительно до 20—25 тыс. человек.

Положение в городе. Мятеж был налицо. Восставшие против власти большевиков имели в своем распоряжении вооруженную силу, которая уже добилась кое-какого успеха. Какие части города успели захватить левые эсеры, что делают различные контрреволюционные организации — на такие вопросы дать точный ответ было трудно.

Нам было известно, что во главе восстания стояли Александрович и Прошьян, которые хорошо знали настроение и расположение частей Московского гарнизона. Вечером Прошьян в сопровождении отряда преданных ему войск захватил центральную телеграфную станцию, и левые эсеры стали рассылать свои воззвания по другим городам, призывая к свержению власти большевиков и объявлению войны Германии. В захваченных типографиях изготовлялись прокламации к населению Москвы и к солдатам, в которых объявлялось, что левые эсеры стоят за советскую войну с Германией, за уничтожение Брест-Литовского договора.

Из состава 9-го латышского стрелкового полка были высланы две роты на центральную телеграфную станцию, чтобы очистить здание от левых эсеров. Но названные роты действовали крайне неуклюже, были захвачены в плен, обезоружены и отведены в Трехсвятительский переулок; часть солдат была оставлена заложниками, а остальные отпущены в Кремль.

Покровские казармы вследствие измены полка Венглинского тоже оказались в руках восставших.

Движение публики в городе прекратилось. На улицах были лишь войска.

Свидание с тов. Лениным. В первом часу тов. Данишевский передал, что тов. Ленин вызывает меня в Кремль для доклада о положении в городе.

Проезжая вместе с тов. Данишевским в закрытом автомобиле по Лесному переулку мимо здания Наркомвоен, мы увидели, что к храму Христа Спасителя уже подошли некоторые части 1-го латышского стрелкового полка.

По-видимому, в Кремле нас ждали, так как везде были заготовлены пропуска и нигде никаких остановок не было. Наш автомобиль подъехал к зданию Совнаркома. Нас провели в зал заседаний Совнаркома и просили подождать. Данишевский прошел к Ленину, который был у себя.

В довольно обширном помещении, в котором я очутился, было почти темно, где-то в углу горела небольшая электрическая лампочка, окна были занавешены. Обстановка напо-

минала мне прифронтовую полосу на театре военных действий. Войдя в зал, я остановился шагах в пяти от дверей.

Через несколько минут дверь на противоположной стороне зала отворилась и вошел тов. Ленин. Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса:

— Товарищ, выдержим до утра?

Задав этот вопрос, Ленин продолжал смотреть на меня в упор.

Я понял, что Ленин ждал от меня ответа категорического и что всякий другой разговор был бы излишним. Но дать ответ на такой вопрос, какой поставил мне Ленин, я не был готов.

Под упорным взглядом Ильича я сформулировал ответ, который сводился к следующему: обстановка еще не выяснена, положение в городе осложняется, атаки в 4 часа 7 июля быть не может, так как наши войска не могут быть собраны, а потому прошу тов. Ленина дать мне два часа времени, в течение которого объеду город, соберу нужные сведения и в 2 часа 7 июля дам совершенно точный ответ на поставленный им вопрос. С этим тов. Ленин согласился и, сказав: «Я вас буду ждать», — ушел таким же быстрым шагом, как вошел.

Мне хорошо врезалась в память наружность Ленина, быть может потому, что в такой обстановке мы встретились впервые. Помню также, что Ленин был в своем обыкновенном рабочем костюме, темно-коричневого цвета.

Положение к 2 часам 7 июля. К этому времени наше положение значительно окрепло: у храма Христа Спасителя собрался 1-й латышский стрелковый полк с артиллерией и образцовый полк. На Страстную площадь прибыл 2-й латышский стрелковый полк, при двух артиллерийских школах курсантов, с 4 орудиями.

Во всяком случае, мы имели четыре группы войск: 1) у храма Христа Спасителя, 2) в Кремле, 3) на Страстной площади и 4) на Арбатской площади. Мы уже вышли из того тяжелого положения, в котором были 6 июля вечером.

Сведения о действиях левых эсеров были крайне скудные и сбивчивые, никто не мог дать более или менее определенных данных о группировке их сил. Точными были лишь данные о том, что их штаб расположен в особняке Морозова. Все-таки одно весьма веское обстоятельство было налицо, а именно: левозсеровские вожди пропустили момент для решительных действий, и без больших жертв они уже не могли победить в городе, так как мы были готовы дать отпор.

В общем и целом к двум часам 7 июля у меня создалось впечатление, что мы победим, если утром перейдем в решитель-

тельное наступление всеми силами, собранными в течение ночи.

О настроении рабочей массы сведений собрать мне не удалось.

Вторичное свидание с тов. Лениным. Вторичное свидание с тов. Лениным состоялось, как было условлено, в 2 часа ночи 7 июля. Со мной был тов. Подвойский. Встреча происходила на прежнем месте.

Я ожидал появления тов. Ленина, стоя у того же кресла, где стоял в первый раз. Товарищ Ленин вышел из той же двери и таким же быстрым шагом подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и отрапортовал: «Не позже 12 часов 7 июля мы будем победителями в Москве».

Ленин взял обеими руками мою руку, крепко-крепко пожал ее и сказал: «Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали». Затем, пригласив меня садиться, он сам сел рядом и предложил мне рассказать ему, что происходит в городе, в каком положении наши войска и что делается у левых эсеров.

Я рассказал все, что было известно, как о противнике, так и о наших войсках. Товарищ Ленин задавал различные вопросы, касающиеся настроения Московского гарнизона и латышских стрелков, особенно интересовался, не ведется ли среди последних эсеровской агитации. На все вопросы я дал совершенно определенный ответ, чем, по-видимому, тов. Ленин остался вполне доволен. Я изложил ему также намечавшийся план действий.

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что тов. Ленин не задает более вопросов, я встал и просил разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою благодарность и вышел вместе со мной в секретарскую комнату, где мы и распрощались. В секретарской кипела работа.

План операции. Из изложенного видно, что я выдал два весьма ответственных векселя. Первый вексель выдал правительству, взяв на свою ответственность командование войсками, а второй — обещанием Ленину ликвидировать левозесеровский мятеж не позднее полудня 7 июля. Оба эти векселя вытекали из создавшегося чрезвычайного положения и сильно обязывали.

В основную идею операции были положены два главных соображения:

- 1) организовать концентрическое наступление на расположение противника, которое завершить штурмом;
- 2) одновременно со штурмом произвести артиллерийским

огнем разгром штаба и резиденции левоэсеровского правительства.

Начало наступления было назначено на 5 час. утра.

План наступления был выработан следующий:

3-му латышскому стрелковому полку с двумя орудиями вести наступление со стороны Таганки на Яузский мост и далее на Яузский бульвар.

1-й полк с двумя орудиями поведет наступление по Варварке, Б. Ивановскому и Б. Трехсвятительскому переулкам.

2-му латышскому полку с двумя орудиями, наступая по Чистопрудному бульвару, занять Покровские казармы и отсюда развивать дальнейшее наступление.

9-й полк, обороняя Кремль, должен был в то же время частью своих сил действовать в сторону Ильинки и Покровки.

К 10 часам утра положение полков должно было быть следующее: 3-й полк должен был занять Подколокольное и Воронцово поле, 1-й полк должен был быть на Малой Ивановке и в Колпачном переулке, 2-й полк должен был занять Покровские казармы. Образцовый полк действовал между 1-м и 3-м полками. Комбриг Дудин руководил действиями вверенной ему бригады. Артиллерия была распределена по полкам.

Для выполнения второй задачи, т. е. разгрома левоэсеровского штаба и резиденции левоэсеровского правительства, была назначена в распоряжение комбрига Дудина особая батарея, которая должна была подвести свои орудия на руках возможно ближе к особняку Морозова и разгромить его огнем в упор.

В моем резерве на Девичьем поле оставались: инженерный батальон Латышской дивизии и два тракторных 6-дюймовых орудия.

Ожидалось прибытие латышского кавалерийского полка из Павловского Посада.

События 7 июля. Сведения о действиях левоэсеровского командования поступали с большими перебоями.

Прокламации левых эсеров были разбросаны во всех казармах латышских стрелков и расклеены на улицах, ведущих к Трехсвятительскому переулку.

Здесь и там происходила редкая стрельба. Артиллерия обеих сторон молчала. Ночью нам удалось захватить одну неприятельскую бронемашину. Отличить своего от противника было очень трудно, так как обе стороны были одеты в обмундирование старой армии. Исключение составляли матросские отряды левых эсеров, которые были в своей мор-

ской форме. Но матросы пока не показывались; они вели агитацию и составляли главный резерв.

Утром явилась в штаб Латышской стрелковой дивизии (Знаменка, 10) матросская делегация от главарей левых эсеров. Матросы обратились к адъютанту дивизии и просили вступить в переговоры с Трехсвятительским переулком. Дивизионный адъютант спросил меня по телефону, как поступить с делегацией. Я сказал, чтобы он попросил матросов удалиться.

Около 7—8 час. утра послышалась артиллерийская стрельба из Трехсвятительского переуллка по Кремлю. Снаряды попадали в Малый дворец. Огонь велся из полевых орудий гранатой и шрапнелью. Это был самый безобидный огонь. Но я опасался, что левые эсеры откроют по Кремлю огонь зажигательными снарядами, что могло бы создать большую опасность для центра города.

С наших батарей последовал запрос о разрешении открыть огонь по Трехсвятительскому переулку. Одна батарея стояла у храма Христа Спасителя, другая — на Страстной площади. Я отдал распоряжение не открывать огня до моего приезда на батареи.

Сначала я направился на батарею, расположенную у храма Христа Спасителя. Там стояли два орудия. Обслуживали орудия курсанты: кадровых командиров не было. Курсанты готовили орудия для стрельбы по карте. Орудия были наведены на Трехсвятительский переулок; направление и расстояние, вычисленные по карте, были определены неправильно. После тщательной проверки оказалось, что снаряды ударили бы в воспитательный дом. Этой батарее было запрещено стрелять. Что же касается батареи, расположенной на Страстной площади, то тут случилось неразрешимое для того времени препятствие, а именно: стрелять пришлось бы по угломеру и уровню, а с этими атрибутами артиллерийской техники курсанты были мало знакомы. Да и смысла не было стрелять, не имея определенных целей. В результате такой стрельбы, какую могли дать наши батареи, могли возникнуть многочисленные пожары в центре города. Имея в виду эти последние соображения, я распорядился открывать артиллерийский огонь только на близкие расстояния и прямой наводкой.

Наступление большевистских войск. Утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 час. утра сошлись вплотную. На всем фронте завязалась

ружейная и пулеметная перестрелка. Время от времени левоэсеровские батареи бросали снаряды по различным направлениям.

Москва превратилась в боевое поле. Публика, невзирая на праздничный день, на улицу не выходила.

У нас была прочная телефонная связь с комбригом Дудиным. Согласно данным ему указаниям наступление должно было вестись с полной энергией, с тем чтобы к 10 час. достичь указанного рубежа.

Наше продвижение вперед шло хотя медленно, но планомерно. К 10 час. 2-й латышский полк занял часть Покровских казарм.

Труднее было положение на фронте 1-го и образцового полков, которым пришлось действовать по узким переулкам и под пулеметным огнем. Левоэсеровские отряды разместились в окопах и за баррикадами, на крышах и на балконах. Комбриг Дудин сообщил мне, что сопротивление левых эсеров принимает очень упорный характер и что у противника много пулеметов, расставленных на крышах и балконах. 1-й латышский стрелковый и образцовый полки временно приостановили наступление и начали закрепляться, занимая прилегающие дома и приспособляя к обороне заборы и площади.

Комбриг Дудин находил наше положение крайне тяжелым и сомневался в возможности открытого штурма. 1-й латышский полк попал под пулеметный огонь и понес значительные потери убитыми и ранеными. Образцовый полк сражался хорошо, но тоже нес потери. Что же касается 3-го латышского стрелкового полка, то там произошел какой-то перебой. Этот полк за несколько дней перед этим прибыл с Северного Кавказа, с корниловского фронта, понес большие потери и был крайне утомлен.

Надо отметить, что на корниловском фронте 3-й латышский полк сражался вместе с теми матросскими отрядами, которые очутились в лагере левых эсеров. Были сведения, что часть стрелков подпала под влияние матросской агитации. С утра в этом полку работали члены исполнительного комитета латышских стрелков. Но в наступивший критический момент 3-го латышского полка на фронте еще не было, пришлось считать его в глубоком резерве. Он выступил несколько позднее.

Для довершения решительного удара был выработан такой план.

1) Ввиду тяжелого положения нашей пехоты и сильного пулеметного огня противника ввести в дело артиллерию, стреляя с близких дистанций прямой наводкой.

2) Всеми силами стараться подтолкнуть пехоту вперед.

3) В том случае, если нам не удастся введенными в бой силами разбить левых эсеров, было решено ввести в дело, под моим личным руководством, главный резерв: два шестидюймовых тракторных орудия, инженерный батальон и конницу.

Часам к одиннадцати к нам присоединилось какое-то авиационное отделение и просило разрешения бомбить Трехсвятительский переулочок. Разрешения дано не было. В Кремле с нетерпением ждали развязки. Оттуда шли запросы ко мне и к тов. Муралову. Немецкое посольство также заинтересовалось положением наших дел и стало время от времени делать нам запросы через секретариат Наркомвоен.

Мною было принято определенное решение: в 12 час. стать во главе главного резерва, вломиться в центр расположения левых эсеров и разогнать их огнем тяжелой артиллерии. Этот способ борьбы был сопряжен с большими разрушениями домов и пожарами. Но мы не теряли надежды, что нам удастся справиться с левозесеровским мятежом более «гуманными» средствами.

Действия батареи командира латышского артиллерийского дивизиона тов. Берзина. Товарищ Берзин послал двухорудийную батарею, стараясь продвинуть орудия возможно ближе к особняку Морозова. Одно орудие, а именно то, которым командовал стрелок Буберг, удалось продвинуть к особняку Морозова шагов на 300.

Ровно в 11 час. 30 мин. комбриг Дудин сообщил мне об этом по телефону и просил разрешения открыть огонь.

Наступил решительный момент. Орудие Буберга было наведено прямо в окна морозовского особняка... Дальнейшее промедление было недопустимо, ибо пулеметным огнем с крыши особняка Морозова могла быть истреблена вся орудийная прислуга, и тогда пришлось бы пустить в дело тяжелую артиллерию.

Сообразив все это, я взял телефон и продиктовал комбригу Дудину приказ: «Огонь и атака!»

Надо сказать, что в это время происходила артиллерийская стрельба и на других боевых участках, но она особого значения не имела.

Как выяснилось после ликвидации мятежа, в то время когда Берзин открыл огонь, в особняке происходило заседание левых эсеров. Первый снаряд разорвался в комнате рядом с заседанием. Второй снаряд тоже. Следующие выстрелы картечью были произведены по крышам и балконам. Оглушительные разрывы гранат произвели ошеломляющее действие на участников заседания; они бросились на улицу и,

спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны. За главарями побежали и их войска.

Дальнейший ход действий и ликвидация восстания. Вслед за этим 1-й латышский полк двинулся вперед, захватил помещение ВЧК и освободил сидевших в погребе тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича.

Оказалось, что левые эсеры бежали с такой поспешностью, что забыли снять своих часовых. По другой версии, они хотели найти новое помещение для штаба и «правительства», но появление латышей заставило их поспешно удалиться.

Ровно в 12 час. комбриг Дудин донес мне по телефону, что левые эсеры бегут, о чем мною было сообщено по телефону же тов. Ленину.

Комбригу Дудину было приказано организовать преследование.

Около 14 час. весь район, занятый левыми эсерами, был в наших руках. Все войска, бывшие под нашей командой, собрались около здания ВЧК. Туда же приехал и тов. Ленин.

Около 15 час. я получил доклад от комбрига Дудина, что преследование организовать ему не удалось, так как войска заявляют, что они очень устали. Кто-то предложил двинуть для преследования 9-й латышский стрелковый полк, который все время оставался в Кремле.

Мы с тов. Подвойским отправились пешком в Кремль. Лично я не был уверен, что наша миссия увенчается успехом, так как мне было хорошо известно внутреннее состояние этого полка. Командира полка разыскали не скоро. Но от него никаких распоряжений мы не добились. Он ссылался на то, что полком ведает председатель полкового комитета. Пошли за председателем полкового комитета, которого удалось разыскать при содействии коменданта Кремля.

Я изложил цель нашего посещения и просил нарядить в наше распоряжение один батальон. Председатель полкового комитета ответил, что он не уполномочен на такие распоряжения, и сказал, что соберет полковой комитет и предложит решение вопроса на его усмотрение. Товарищ Подвойский покачал головой и, по-видимому, начинал терять терпение. Несмотря на свое высокое положение в военном ведомстве (тов. Подвойский состоял членом Большой военной коллегии и являлся одним из народных комиссаров по военным делам), тов. Подвойский в данном случае оказывался слабее полкового комитета.

Мы стояли во дворе и ожидали решения. Наконец появился председатель полкового комитета и сообщил, что полковой комитет решил не давать стрелков для преследования,

так как 9-й полк составляет гарнизон Кремля и не имеет права ослаблять его оборону. Товарищ Подвойский вышел из терпения и категорически указал председателю полкового комитета: «Товарищ, полковые комитеты давно упразднены, пришлите командира полка».

Командир полка получил от Подвойского приказ немедленно выделить не менее одной роты и прислать к нему. Через полчаса командир полка привел один дозор в составе около двадцати человек, который и был направлен к Сокольникам.

Для преследования был отправлен инженерный батальон на грузовиках.

После разгрома в Трехсвятительском переулке левоэсеровские войска покинули Москву и направились в сторону Ярославля.

После ликвидации восстания Народным комиссаром по военным и морским делам был издан следующий приказ о расследовании поведения войск Московского гарнизона:

«Наряду с частями, безукоризненно исполнявшими свой революционный долг во время мятежа левых эсеров, в составе Московского гарнизона оказались недостойные группы, которые либо примыкали к мятежникам, либо ослаблялись внутренними раздорами.

Для расследования поведения всех частей Московского гарнизона, для установления порочных элементов в его среде с целью примерного их наказания учреждается комиссия в следующем составе: председатель — М. С. Кедров, члены — Данишевский, Аросев».

Выступление левых эсеров в Москве 6 июля было сигналом для штурма против Советской власти. По этому сигналу поднялись восстания в Москве, Ярославле, Ленинграде, на Волге, на Урале.

По этому сигналу поднял мятеж главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев и повернул против Москвы фронт всей заволжской контрреволюции.

Но пролетарская революция обладала достаточными силами. Она разгромила мятежников и уничтожила контрреволюцию.